

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРИВЯЗАННОСТЬ К МЕСТУ В КОНТЕКСТЕ УБЫВАЮЩЕГО ГОРОДА: АНАЛИЗ ДИСКУРСА ЖИТЕЛЕЙ В ГОРОДСКОМ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВЕ

*Елена Владимировна Недосека*¹ (nedelena@socinst.ru),
*Александра Евгеньевна Ненько*² (al.nenko@gmail.com),
*Светлана Евгеньевна Порошина*³ (seporoshina@gmail.com)

¹ Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

² независимый исследователь, Турку, Финляндия

³ независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Недосека Е.В., Ненько А.Е., Порошина С.Е. (2024) Привязанность к месту в контексте убывающего города: анализ дискурса жителей в городском онлайн-сообществе. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(2): 86–115. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.4>. EDN: FA0HR0

Аннотация. Несмотря на существующий научный задел исследований в области привязанности к месту, эта тема во многом остается не до конца изученной и интересной в контексте применения понятия к различного типа территориям. Фокусом внимания авторов является понятие «привязанность к месту» в контексте убывающего города. В теоретической рамке исследования мы связываем два концепта: убывающий город (shrinking city) и привязанность к месту (place attachment). Оба понятия широко используются в научной литературе, но остаются при этом неоднозначными и редко используются вместе. Мы предлагаем авторскую операционализацию понятия привязанности к месту, где обосновываем четыре его компонента: положительная эмоциональная связь людей с местом, значимость места для людей в конкретных жизненных обстоятельствах, зависимость людей от места и идентичность места (place identity). Научная новизна исследования заключается в применении методологического подходе. Анализируется привязанность к месту через общественный дискурс, который конструируют жители убывающего города в онлайн-сообществе социальной сети. Обсуждения жителей представляют богатый эмпирический материал, позволяющий выявить основные компоненты привязанности к месту и проинтерпретировать их в контексте особой среды. Обоснованная теория в качестве подхода, основанного на детальном кодировании дискурсивных данных и формировании объясняющих интерпретаций этого кодирования, позволяет выявить аспекты привязанности к месту в убывающем городе, недостаточно изученные в литературе и обусловленные особым контекстом, в котором развиваются отношения между жителями и местами.

Ключевые слова: место, привязанность к месту, чувство места, идентичность места, убывающий город, городские онлайн-сообщества, качественный анализ текста.

Введение

Концепция привязанности к месту (place attachment) активно развивается в рамках социально-конструктивистской теории и позволяет анализировать субъективное восприятие людьми окружающего пространства, предоставляя ценную информацию для изучения различными дисциплинами, таких как география, социология, психология, экология, государственное управление, пространственное планирование и пр.

Одной из основных исследовательских трудностей при изучении привязанности к месту является разнообразие подходов как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Например, активно обсуждается нечеткая связь между привязанностью к месту и другими концепциями, такими как идентичность места, чувство места, укорененность, зависимость от места и удовлетворенность местом (Paasi 2003; Lewicka 2011; Xu et al. 2015). Различия между этими понятиями так и не были единодушно согласованы учеными и продолжают обсуждаться сегодня. Можно констатировать и отсутствие единого методологического подхода в исследованиях привязанности к месту (Lewicka 2011).

В самом общем плане привязанность к месту предполагает устойчивые позитивные эмоциональные связи между людьми и значимыми социально-физическими условиями проживания (Tuan 1977; Altman, Low 1992). Эти связи отражают и помогают развивать групповую и индивидуальную идентичность. В этой связи важно обратить внимание на два аспекта, в том числе составляющих проблему настоящего исследования. Первый — теоретический, при схожести концептов привязанности к месту, идентичности места и чувства места мы аналитически разводим эти понятия.

При всем многообразии научной литературы по теории идентичности места (Tuan 1977; Peterson 1988; Saleh 1998; Twigger-Ross et al. 2003; Carrus et al. 2005; Hauge 2007; White et al. 2008) лишь немногие исследования показали, что идентификация людей с местом может отражаться в идентичности, которую они приписывают этому месту, и впоследствии включается в их собственную идентичность (Rijnks, Strijker 2013). Другими словами, люди могут не идентифицировать себя с местом (городом, регионом), т.е. непосредственно там не проживать, но все же могут чувствовать определенную привязанность к нему через семью, друзей, воспоминания, развлечения, опыт посещения и пр. Концепция чувства места осмысливается нами как то, что может возникать от эпизодического взаимодействия с местом и быть не связанным с самой физической средой, а содержаться в человеческой интерпретации среды (Stokols,

Shumaker 1981). Обозначенное понимание, с нашей точки зрения, отражает не центральную роль различных, вплоть до воображаемых отношений с местом, которые могут выстраиваться не в процессе непосредственного контакта с физической средой проживания, а взаимодействия с отдельными компонентами или измерениями места. Например, участвуя в этнокультурных фестивалях, читая книги и просматривая фильмы, получая информацию о местных новостях, люди могут испытывать привязанность к месту и составлять его образ (чувство места). Скорее всего, такое эпизодическое взаимодействие не будет укладываться в их личную «идентичность места» (или принадлежность к месту), однако может отражать идентичность самого места в глазах воспринимающих его людей.

Второй аспект проблемы — эмпирический, т.е. осмысление того, как выстраивается и дискурсивно выражается значимое отношение и связь с территорией. Мы сосредоточиваем внимание на эмпирическом исследовании привязанности к месту и чувства места в отношении среды, которая по объективным причинам теряет свои физические и иные характеристики — убывающий город. Убывание городов является значимым процессом, характерным для деиндустриализации и переориентирования экономики с плановой на рыночную. В ходе этих процессов уже выстроенная идентичность города утрачивается в силу уходящего в прошлое стиля жизни, способов экономического и социального взаимодействия. Многие люди, покидая город и переезжая в другое место жительства, выстраивают иные территориальные идентичности, однако привязанность к покинутому городу может сохраняться, переопределяться через его более устойчивые черты, чем экономика и социальное устройство. Люди, которые продолжают в нем жить, также должны заново выстраивать свое чувство места и определять привязанность к месту, чтобы сконструировать лично воспринимаемую идентичность города.

Мы фокусируемся на определении дискурсивного конструирования привязанности к месту в городе Мурманске, который является убывающим северным городом, некогда индустриальным и жизненным фронтиром. В качестве данных о дискурсе привязанности к месту жителей Мурманска мы опираемся на цифровой след его жителей, т.е. на высказывания о городе, которые создаются горожанами как пользователями социальных сетей (Palmer 2004; Schirpke et al. 2013). Мы исследуем нарратив, который создают жители посредством текстовых сообщений, описывая свое отношение к городу, и выявляем в нем те концепты, которые содержательно отражают привязанность к месту.

Обзор литературы

Термин «убывающий город» может использоваться для осмысления совершенно разных объектов и проблем: от ухудшения экономической конкурентоспособности города в глобальном масштабе до тревожных социальных проблем, таких как маргинализация социальных групп, сегрегация, преступность и бедность (Wu et al. 2022: 392). Наиболее распространённым определением убывающего города остается его понимание как муниципальной единицы с численностью населения не менее 10 000 жителей, испытывающей убыль населения более двух лет и переживающей экономическую трансформацию с симптомами структурного кризиса (Pallagst et al. 2009). В рамках данного подхода характерной чертой убывающих городов считается устойчивая потеря населения, при этом чаще всего в исследовательский фокус попадают демографические проблемы и социально-экономический кризис, с которыми сталкиваются убывающие города.

Вместе с тем убывание включает в себя не только интенсивное сокращение численности населения, но и многочисленные последствия, которые проявляются в пустующем жилье, недостаточном использовании имеющейся инфраструктуры и экономическом неблагополучии, а также в увеличении дисбаланса между спросом и предложением в экономической, политической и культурной сферах (Olsen 2013). Убывание городов имеет последствия практически для всех сфер городской жизни — от муниципальных бюджетов, землепользования и градостроительства, коммунальной и социальной инфраструктуры, рынка жилья и жилищной мобильности, рынка труда и занятости до изменения характера городских сообществ — уменьшения социальной сплоченности, утраты соседских контактов в (Антонов и др. 2014). В связи с чем возникает вопрос, трансформируется ли чувство места и привязанность к месту в объективно неблагоприятных условиях?

Американский философ Э. Кейси отмечает, что разрушительные явления этого столетия приводят к возрождению чувствительности к месту (Casey 1997: xiii). Похожее понимание мы встречаем в работах феноменологов, в которых чувство места интерпретируется как естественное условие человеческого существования в меняющемся мире (Хайдеггер 1962; Norberg-Schultz 1979). Важно заметить, что до недавнего времени в научной литературе преобладало представление о взаимосвязи процесса урбанизации и утраты чувства места, когда отсутствие эмоциональной связи с окружающим городским ландшафтом достигает кульминации в ощущении «безместности» (Gustafson 2006; Ujang, Zakariya 2015). Отношения «человек — место» сложны, контекстуальны и зависят от множества со-

циально-психологических факторов (van Riper et al. 2019; Rollero, De Piccoli 2010). Привязанность к месту все чаще признается в качестве руководящего принципа городской жизни, процесса городского проектирования (Chiesura 2004), элемента современного урбанизма и индикатора удовлетворенности жизнью в городской среде (Insch, Florek 2008).

Для того чтобы исследовать отношения между людьми и местом, антропологи, географы и психологи окружающей среды разработали множество аналитических моделей, основанных на когнитивной и аффективной связи с местом (например, «чувство места», «идентичность места», «укорененность места», «внутренность места» и т.д.) (Kyle et al. 2004; Rollero, De Piccoli 2010). Среди них понятие привязанность к месту остается наиболее известной концепцией для измерения положительной эмоциональной связи с местом (Raymond et al. 2010; Rollero, De Piccoli 2010; Ramkissoon et al. 2015).

В научном понимании место — это пространство, наделенное смыслом (Low, Altman 1992; Tuan 1977). Формирование места — это социальный процесс, производный от социального взаимодействия и деятельности внутри него (Stedman 2003, 2002). Чувство места (sense of place) — это амбивалентное понятие, так как, с одной стороны, индивидуальные и коллективные ценности влияют на чувство места, а с другой — чувство места влияет на поведение и социальные ценности и установки людей. При этом важно отметить, что чувство места коренится как в субъективном опыте людей (воспоминаниях, традициях, истории, культуре и группах), так и подтверждено объективным внешним воздействиям среды (ландшафт, запахи, звуки), которые формируют различные ассоциации с местом. Таким образом, чувство места — это субъективное восприятие и отношение людей к присвоенной или не присвоенной окружающей среде, возникающие в результате взаимодействия с ней. Оно выражается в описательных и эмоциональных репрезентациях опыта этого взаимодействия. При этом сама среда представляет собой комбинацию физических и социальных параметров, подверженных влиянию факторов: исторических (продолжительность существования самого места, исторические вехи развития места) (Devine-Wright, Lyons 1997; Нау 1998; Low 1992); демографических (возрастные группы, мобильность, интенсивность миграции населения в данном месте); социальных (качество социального капитала людей, система ценностей, социальные связи людей, живущих в данном месте); физических (тип, размер, масштаб, компоненты, климатические особенности места) (Steele 1981); символических значений, связанных с местом (Stedman 2003, 2002).

Удовлетворенность людей местом жительства, идентификация и привязанность к местным сообществам вызывают разные виды чувства места,

которые различаются у разных людей: укорененность, отчуждение, отнесенность и отсутствие места (Hummon 1992). Согласно концепции чувства места С. Шамаи, следует различать три феномена: принадлежность к месту, привязанность к месту и готовность взаимодействовать с местом. Впоследствии С. Шамаи операционализировал понятие чувство места и выделил в нем семь уровней (Shamai 1991):

1. Отсутствие чувства места. Исследователь указывает, что это явление часто игнорируется в литературе: чувство места — это не должное и не аксиома, не каждый человек обязательно имеет это чувство.
2. Знание о месте: данный уровень означает осведомленность людей о месте; люди знают и считывают характерные черты места, но не имеют особой эмоциональной связи с местом или его символами.
3. Принадлежность к месту: данный уровень означает наличие не только знания о месте, но и эмоциональной связи с ним. Люди различают и уважают символы места, идентифицируют себя с местом.
4. Привязанность к месту: люди имеют сильную эмоциональную связь с местом, место становится значимым для их собственной идентичности. В глазах жителей и пользователей место приобретает особый уникальный характер, в нем выделяются любимые черты и символические компоненты.
5. Отождествление с целями места: данный уровень означает отождествление людей с местом, его состоянием, развитием и судьбой. Наполнение, идея места, его характерные особенности и черты идентифицируются людьми, оправдываются и разделяются ими. Люди имеют глубокую привязанность к местам.
6. Участие в месте: данный уровень описывает поведение людей в месте, направляемое их привязанностью к месту. Люди играют активную роль в жизни места, они инвестируют свои ресурсы, например, деньги, время или талант в развитие места. В отличие от предыдущих уровней, которые описывают отношение к месту, этот уровень характеризует проактивное поведение людей в месте.
7. Жертва за место: этот наивысший уровень вовлеченности людей в судьбу места является и наивысшей «отметкой» чувства места. Люди настолько отождествляют себя и свою жизнь с местом, что готовы идти на личные жертвы ради него.

Таким образом, С. Шамаи определяет привязанность к месту (place attachment) как один из уровней чувства места.

Большинство исследователей согласны с тем, что привязанность к месту является широкой и многомерной конструкцией, хотя точное количество измерений оспаривается в зависимости от теоретической рамки

исследований (Lewicka 2011; Kyle 2004; Cheung et al. 2018; Ramkissoon et al. 2015). Более ранние исследования мест опираются на двумерную модель привязанности к месту, состоящую из зависимости от места (описывает функциональную, прагматическую связь с местом) и идентичности места (описывает эмоциональную, символическую связь с местом) (Budruk et al. 2009; Kyle 2004; Raymond et al. 2010).

Мы аргументируем точку зрения, согласно которой привязанность к месту — это эмоциональные и символические отношения людей с приобретенным и освоенным местом, которые формируются посредством:

- 1) положительной эмоциональной связи людей с местом (Altman, Low 1992; Williams, Stewart 1998)¹;
- 2) значимости, которую человек приписывает конкретному месту (Евсеенкова 2014; Kaltenborn 1998; Stedman 2003);
- 3) зависимости людей от места, которая порождается в результате взаимодействия с ним, когда место обеспечивает условия жизни или удовлетворения потребностей людей²;
- 4) идентичности места (place identity)³.

Диапазон «мест» может быть разным: конкретные объекты на территории проживания (например, дом, школа, культурный центр); локации различного уровня (например, улица, район, город, регион, страна); места,

¹ Отметим, что в контексте убывающего города положительные эмоциональные связи с местом зачастую прослеживаются через чувства тоски, утраты и тревоги. В научной литературе данный феномен отражен в понятии «география призрачного» (Корандей 2023; Upton 1997; Hill 2013), которая включает в себя «невидимое» или «отсутствующее» в повседневном ландшафте. Важным аспектом для настоящего исследования является отражение географии призрачного в повседневных нарративах жителей (Holloway, Kneale 2008).

² Это функциональная связь с местом, где человек получает существенные физические и/или эмоциональные преимущества, которые могут быть недоступны где-либо еще (Budruk et al. 2009; Raymond et al. 2010).

³ В научной литературе идентичность места интерпретируется в двух аспектах: как идентичность по отношению к месту (identity to place) и идентичность места (place identity). Идентичность по отношению к месту означает совокупность признаков места, которые гарантируют его самобытность и уникальность, неосознаваемую и общепризнанную (Nonberg-Schultz 1980; Stedman 2003). Идентичность места — это скорее свойство человека, а не места, это самоопределение человека с точки зрения места, т.е. измерения личной идентичности человека, которые формируются в связи с его физическим окружением (Proshansky, Fabian, Kaminoff 1983; Giuliani, Feldman 1993). Согласно К. Твиггер-Росс и Д. Уззеллу, место — это средство выделения себя среди других, сохранения чувства преемственности, выстраивания положительной самооценки и создания чувства собственной уникальности (Twigger-Ross, Uzzell 1996).

не связанные с проживанием (например, места отдыха). Немаловажным аспектом в методологии измерения привязанности к месту является выделение компонентов: когнитивный, поведенческий и аффективный. Чаще всего в исследованиях представлено изучение аффективного или эмоционального компонента, например, через шкалы привязанности (Bonaiuto et al. 2003; Stedman 2002). При этом когнитивный аспект понимается как пространственное восприятие места, формируемое в результате проживания и использования, когда люди узнают окружающую среду и ее элементы. Поведенческий аспект взаимодействия человека с местом заключается в деятельности по отношению к месту или обусловленной его функциональными и иными особенностями.

Кейс Мурманска: исследование принадлежности месту в убывающем городе

В настоящем исследовании мы обратимся к анализу репрезентации привязанности к месту убывающего города Мурманска. Важным прикладным аспектом исследования является понимание механизмов формирования положительной связи с городом, которые могли бы использоваться в контексте политики удержания населения и ре-брендинге города.

Город Мурманск основан в 1916 г. на берегу Баренцева моря и является молодым российским городом. Его географическое расположение как административного центра, приграничного со странами Северной Европы, и наличие выхода к Северному Ледовитому океану всегда играло важную роль в определении его судьбы как города стратегического значения. Несмотря на уже более чем 100-летнюю историю, Мурманск — типичный индустриальный город, продукт советской градостроительной эпохи второй половины XX в. Это город серийной жилой и индустриальной застройки с минимальным архитектурным разнообразием. Отличительными особенностями города является его расположение за Полярным кругом и соответствующие этому природно-климатические условия.

Мурманск активно заселялся и застраивался с 1960-х годов. Вплоть до 1990-х годов на Север приезжали преимущественно молодые люди, планировавшие освоить новые профессии, связанные с морским делом, заработать повышенную северную пенсию и уехать из города в более комфортные климатические регионы. Укорененность никогда не была чертой жителей Крайнего Севера, которых исследователи называли «временщиками» за счет подобных жизненных траекторий. В результате реструктуризации экономики в 1990-х годах когда-то привлекательный и притягательный для переселения (прежде всего за счет полярных надбавок) город постепенно утратил свой экономический потенциал (Разумова 2008,

2009; Бурцева и др. 2020; Недосека, Шарова 2020). Последствием этого процесса стала интенсивная миграция и депопуляция населения. Статистические показатели описывают интенсивную и продолжающуюся вплоть до сегодняшнего дня депопуляцию Мурманска (табл. 1).

Таблица 1

**Численность постоянного городского населения в Мурманской области
(чел., в среднем за год)**

	1990	2000	2010	2020	2022
Мурманская область	1 088 977	859 691	739 411	679 298	616 034

За 30 лет потери численности населения Мурманской области составили 43,4 %, коэффициент естественного прироста неуклонно снижался и достиг в 2020 г. отрицательного значения (табл. 2).

Таблица 2

**Коэффициент естественного прироста населения в Мурманской области
(на 1000 чел.)**

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
<i>Арктическая зона Российской Федерации</i>	3,9	3,1	2,2	1,5	0,7	-1,0	-3,6
Мурманская область	0,3	-0,3	-0,8	-1,5	-2,4	-4,7	-7,6

Естественная убыль в Мурманской области составляет -7,6 промилле, что превышает значение этого коэффициента в Арктической зоне (-3,6) и общероссийский уровень (-7,1). Относительно коэффициента миграционного прироста необходимо отметить снижение миграционной убыли от -5,7 в 2015 г. до -3,9 в 2021 г. Для сравнения, общероссийский коэффициент миграционного прироста имеет положительное значение и составляет 2,9 промилле.

Таблица 3

**Коэффициент миграционного прироста населения в АЗРФ
и Мурманской области
(на 1000 человек среднегодового населения)**

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Арктическая зона Российской Федерации	-9,6	-5,9	-6,0	-5,1	-3,8	-3,0	-1,0
Мурманская область	-5,7	-5,7	-4,6	-5,9	-6,5	-6,0	-3,9

Несмотря на интенсивную убыль, исследовательским вопросом остается, как в условиях слабой укорененности и неблагоприятных социально-

экономических условий сохраняются связи, которые лежат в основе привязанности к городу; какими положительными значениями горожане наделяют город как место проживания; какие категории самоописания используют для репрезентации своей уникальности и отличительности от жителей других городов.

Методология исследования

Настоящее исследование опирается на положения социального конструктивизма, согласно которому можно описывать «привязанность к месту» как социально-культурный конструкт, артикулируемый в языке и «создаваемый» в ходе взаимодействия людей (Бергер, Лукман 1995).

В качестве методологической основы в исследовании применен подход анализа качественных данных, предполагающий процесс сбора, структурирования и интерпретации качественных данных. Основным методом анализа качественных данных был выбран анализ нарратива. Нарративный анализ фокусируется на сообщениях, которые оставляют люди (в нашем случае в социальных сетях), и на языке, который они используют, чтобы осмыслить их. Это важно для глубокого понимания субъективного восприятия людей по конкретному вопросу. Созданный информантом нарратив в виде текста требует от исследователя применения инструментальных средств для выявления смысловых коннотаций. А. Льюинс и К. Силвер в числе таких средств называют поиск (content searching), ассоциирование (linking), кодирование (coding), аннотирование (annotating), запросы (querying), картирование или сетевые структуры (mapping or networking) (Lewins, Silver 2007). Применение исследователем этих аналитических ресурсов позволяет наряду с текстовым изложением нарратива конструировать его более сложную структуру (Каныгин 2022). В работе мы опираемся на автоматизированный поиск и кодирование, которые процедурно будут описаны ниже.

Объектом эмпирического исследования является городское онлайн-сообщество «Мурманск», функционирующее на базе социальной сети «ВКонтакте». Выбор эмпирического объекта обоснован теоретической рамкой исследования принадлежности к месту. На основании собственных предыдущих исследований и исследований иных ученых мы полагаем, что онлайн-сообщество, посвященное городу, в процессе регулярных и интенсивных коммуникаций формирует репрезентации символической и эмоциональной связи членов сообщества с городом (Ненько, Недосека 2022; Недосека, Ненько 2022). Эти репрезентации в формате вербализованных высказываний пользователей о городе, а также в визуальном формате пользовательских фотографий к комментариям и постам формируют

богатый эмпирический материал. Нарративный анализ позволяет проанализировать эти дискурсивные разнообразные данные без заранее заготовленных категорий анализа, за счет близкого прочтения и кодирования.

Онлайн-сообщество «Мурманск» образовано в 2008 г., активно действует на момент написания статьи и насчитывает 384,2 тыс. подписчиков, что делает его самым популярным среди других онлайн-сообществ данной социальной сети. В сообществе обсуждаются повседневные вопросы, предлагаемые как админом группы, так и участниками по согласованию с админом. Паблик структурирован, есть рубрика чаты, состоящая из двух тем («Мурманск говорит» и «Мурманск: дадим отпор перерасчетом за отопление»); статьи («Лучшие заведения Мурманска», «Куда сходить в Мурманске»; «С подлянкой по жизни»); обсуждения («Утеряно/Найдено»; «Ищем свидетелей ДТП и скрывшихся участников ДТП»; «Ищу работу/вакансии/услуги»); а также рубрики «Мероприятия» и «Репортаж».

Эмпирическая база исследования составлена на основании текстовых сообщений, постов и комментариев к ним за 2021 г. Общее количество постов — 130, количество комментариев — 529 307. Далее была применена автоматизированная процедура процессинга для очищения текстового корпуса с помощью библиотеки языка программирования Python nltk, которая предназначена для обработки текстовых данных. Отобранные слова полной формы (без сокращений) проиндексированы в соответствии с комментариями участников публика. С помощью функции bigrams, которая принимает на вход список слов, были получены пары из слов, стоящих рядом в комментарии. При формировании биграмм исследователи могут назначать те имена речи, которые будут фигурировать в итоговой выборке. При анализе биграмм оставлены глаголы, содержательные наречия, имена существительные и прилагательные.

В результате нами получены наиболее встречаемые в текстовом корпусе биграммы. Из 1000 наиболее встречаемых мы отобрали те, которые относятся к характеристикам места. Далее нами был составлен массив данных, состоящий из комментариев, которые в результате кодирования (смыслового и коннотативного) позволил выявить основные характеристики привязанности к месту, обсуждаемые в сообществе.

Результаты анализа биграмм дали нам возможность сделать вывод о доминирующем в субъективном восприятии жителей концепте в отношении привязанности к месту — «север». Данный концепт, характеризующий «место» жительства, выходит за административные границы города, локальность осмысливается жителями в более широких региональных рамках. Содержательно «север» представляется в комментариях в трех основных аспектах: природно-климатическом, социально-экономическом и полити-

ческим, которые измеряются как личностными, так и социальными параметрами. Личностное измерение — это уровень восприятия, опосредованный ценностями и воспоминаниями о месте (Cameron et al. 2020). Социальное измерение восприятия обусловлено сложившейся структурой общества и социальных взаимодействий в контексте места жительства (Raymond et al. 2010).

Природно-климатический аспект концепта «север» проявляется через такие доминирующие характеристики места, как «северное (полярное) сияние» (частотность упоминаний в течение года — 174), «полярный день» (частотность упоминаний в течение года — 59) и «полярная ночь» (частотность упоминаний в течение года — 63). Данные характеристики в комментариях носят амбивалентную природу, но однозначно свидетельствуют об их признании как черт уникальности места жительства. С одной стороны, «северное сияние» и «полярный день» и в постах, и в комментариях фигурируют как притягательные явления, то, ради чего стоит приезжать в Мурманск. Например, в посте «Зачем ехать в Мурманск: ТОП 12 причин!» (https://vk.com/wall-5608669_7886499) на первом месте по упоминаемости фигурирует концепт «белая и полярная ночь», «северное сияние» — на втором. Горожане охотно делятся личными фотографиями этих природных явлений и рассуждают об их роли в своей жизни и приписывают им черты уникальности, которые обосновывают туристический интерес. За анализируемый период (2021 г.) написано 3890 комментариев, в которых фигурирует концепт «северное сияние», 1779 — «полярная ночь» и 1872 — «полярный день». Для жителей региона, как правило, эти явления фоновые, само собой разумеющиеся, часть повседневной жизни. Тем не менее северное сияние и полярный день являются частью идентичности места и характерными составляющими значимости Мурманска и Мурманской области, конструируемой пользователями.

Очень большой плюс Мурманска — это северная природа. Это что-то особенное: северное сияние, горы, морошка и вот это вот всё... (380 лайков).

А еще, Мурманск — это Северное сияние... (67 лайков).

Приколюха для туристов, местным в 90 % случаев плевать на него (прим. на северное сияние) (24 лайка).

Грустно, но стоит признать, что Мурманск, да, самый большой город за Полярным кругом, но интересен он может быть только поляр-

ной ночью и северным сиянием, полярным днем, сопками, тундрой, оленями, потрясающими озерами и реками, рыбалкой, тихой охотой, горами (горнолыжникам привет))), ну и кухней — крабы, гребешки, ежи, дикорастущие — но не аутентично это все... (12 лайков).

Помимо признания и обсуждения красоты северного сияния и полярного дня, популярность имеют сообщения, в которых северное сияние выступает ориентиром погодных условий и самочувствия жителей, в чем проявляется такая составляющая привязанности к месту, как зависимость от места:

Утро, ты идешь на кухню, чтобы выпить цитрамон или парацетамол — и не выглядывая на улицу ты знаешь — сегодня красивое северное сияние, а значит магнитные бури...и мороз усилился. Ты ходишь — темно и холодно, стоишь на остановке пританцовывая, со стороны кажется, что ты веселый человек и у тебя не болит голова. В троллейбусе, как и в автобусе ты мечтаешь скорее приехать, выйти и хоть немного согреть ходьбой ноги, которые замерзли в транспорте. Чем дальше от центра, тем темнее и менее освещены улицы. И так полгода (41 лайк).

Зависимость от места в северном городе проявляется и в практиках повседневности горожан, которые особо ценят короткий летний период с его длинными световыми днями, подходящими для сбора грибов и ягод. Зависимость от места как такого, которое позволяет жителям собирать уникальные природные плоды, подтверждается также обилием фотографий пользователей, изображающих успешные результаты грибной охоты. Многие жители стараются планировать отпуск так, чтобы застать часть августа или начало сентября для сбора дикоросов. Природа вдохновляет своими естественными богатствами на определенные действия в среде, использование ее благ является составляющей чувства благополучия жителей, что отражается в вербализируемой привязанности к месту.

Северное сияние, которое особенно часто появляется и хорошо заметно в полярную ночь, в последние годы также стало объектом «охоты». За северным сиянием в город и область приезжают иностранные туристы (преимущественно из Китая) и внутренние туристы в ходе организованных туров. Местные жители, выступая повседневными «экспертами» в северном сиянии, с легкой долей иронии относятся к данной практике, признавая за ней маркетинговую заинтересованность самих организаторов.

*...Гости нашего города, северное сияние можно и так увидеть, а не переться в эту, ***** мира, чтоб поесть шашлыков (22 лайка).*

Обращает на себя внимание беспокойство жителей по поводу современных тенденций развития территорий Мурманской области, а также ревностное отношение к утрате локальности и осуждение вытеснения практик местных жителей и местного образа жизни в ходе популяризации туристических дестинаций. Подобные высказывания можно интерпретировать как доказательство чувства значимости места, воспринимаемого через его символические черты, находящиеся под угрозой, а также наличия привычной идентичности места, которая нарушается.

Было бы еще оправданным, если бы деньги туристов шли на развитие поселка. Чтобы жители получали достойную зарплату и имели рабочие места. А так москвичи все купили — денешка плывет в столицу, как и везде, впрочем. От туристов только горы мусора остаются. Как и на Рыбачьем все засрало. Нет уже той Териберки самобытной, первозданной какой я ее помню до начала всей этой эпопеи с Северным туризмом после Левиафана, с китайцами, северным сиянием и иже с ним. Когда приезжали туда, было чисто, ни души, какое-то единение с природой. Только ты и море... а сейчас даже не хочется ехать туда, потому как не хочу разочаровываться, увидеть эту толпу, затоптанность, загаженность такого красивого места (157 лайков).

Комментарии, содержащие описание природно-климатического аспекта концепта «север», имеют преимущественно положительный или нейтральный характер. Данный факт показывает наличие положительной эмоциональной связи людей с местом, что является составляющей привязанности к месту.

Второй аспект в анализируемом концепте — социально-экономический, который связан с особенностями жизни на Севере. Именно в этом аспекте проявляется амбивалентность самого концепта «север». В комментариях, касающихся причин оттока населения, климат (в частности, полярная ночь, полярный день, низкие температуры) в совокупности с непростыми экономическими условиями жизни в регионе осмысляются как сопутствующие факторы отъезда. Жизнь в суровых климатических условиях, по мнению участников сообщества, должна поощряться и поддерживаться со стороны государства. Значительную поддержку имеют комментарии, отсылающие к советскому периоду существования города,

когда полярные надбавки стимулировали переезд на север или удерживали население в северных городах. Социально-экономический аспект концепта «север» преимущественно носит отрицательную эмоциональную тональность, однако именно через нее проявляется та значимость места, которую разделяют участники паблика. Значимость места выражается через сожаление и боль утраты былого значения города и области. На фоне современного убывания города, прошлый образ места как перспективного, привлекательного для специалистов, места с инфраструктурой становится частью исторической памяти места (Корандей 2023; Holloway, Kneale 2008).

Если при Союзе сюда ехали за полярками, то какой смысл сейчас тут гнить!? З/н как в средней полосе, все цены и ЖКХ в 2 раза выше, плюс 9 месяцев зимы и практически полное отсутствие лета! Чего ради это всё терпеть!? (434 лайка).

Да он [город] умер, когда все флоты разворовали, когда развалили производства и оставили без работы тысячи человек. Когда полярки превратились в одно название (297 лайков).

...климат, инфраструктура, отсутствие новостроек, заработная плата (не в счет гос, военные и бизнес), отсутствие перспектив карьерного роста, если ты ничейный, отсутствие зон отдыха, прогулок (273 лайка).

Социально-экономические особенности места, которые осмысляются как сложные, в оценках современной судьбы города приобретают характер символических черт былого места. В комментариях присутствуют личные биографические истории горожан о собственном образовательном и профессиональном пути или успешных жизненных траекториях их родственников, которые были возможны только в Мурманске с его рыбной промышленностью и портовой инфраструктурой.

Я уже старик, а мой Батя всю жизнь проработал в СМУ 5 и Мурманск граждан проект. Сколько всего выстроено, сколько сил и нервов! Постоянные планерки, суета, нервотрепки, сдачи объектов и план, план, план! Сроки сдачи! В разговорах в праздники за столом только и разговоров какой нам город достанется в будущем! Все здоровье всех строителей ушло на построение города нашего. А сейчас город стареет и ветшает, молодые разъезжаются (17 лайков).

...работать в порт пришла в 1983 года и ушла на пенсию. Проработала в железнодорожном хозяйстве рыбного порта. Наши вагоны подавались на причал для разгрузки рыбы. Я уже писала об этом. все причалы были заняты судами. Начиная с южных причалов все занято было, очередь ждали по несколько дней, чтоб разгрузить рыбу. А сейчас весь залив пустой так что нечем хвастаться (5 лайков).

Прожил и проработал с 1989 г почти 25 лет, люблю этот город, он самый любимый и родной. Стал другим совсем с годами, это да, а я его помню, каким увидел в 1988 г. с советских времен (3 лайка).

К социально-экономическому аспекту концепта «север» можно отнести и осмысление значимости места и зависимости от места через признание особого качества людей и человеческих отношений в городе (Raymond et al. 2010; Ramkissoon et. al. 2015).

Это самый лучший город на земле, все есть в Мурманске, главное — люди замечательные, добрые, порядочные, не пожалеете (44 лайка).

При СССР люди действительно стремились на север, а сейчас он брошен и не перспективен, но люди на севере добрые в душе (38 лайков).

Люди Севера — они особенные! Живя в суровом климате, они особенно ценят жизнь и никогда не пройдут мимо чужой беды маленькой или большой. Они такие во всем! Горжусь вами, земляки! (15 лайков).

Когда жил в Мурманске, если кто-то уезжал, то было ощущение, что человек уехал из страны под названием «Кольский полуостров» и я его больше никогда не увижу. Сейчас обратное ощущение. Главное богатство — это люди Севера (22 лайка).

В структуре сообщений про людей Севера наибольшую часть занимают комментарии уже уехавших жителей Мурманска, что подтверждает тезис об актуализации социальной идентичности при столкновении Я и Другого (Tajfel, Turner 1985).

34 года прожил в Мурике а теперь 3 года в Краснодаре, небо и земля, только приезжие с Сибири и Дальнего Востока помягче, а местные просто жесть! (6 лайков).

севере гнить», которые явным образом иронизируют над словосочетанием «на севере жить». Ироническое обыгрывание декларируемого лозунга и программы «места» сталкивается с реальной идентичностью места, которое сформировано в представлении пользователей сообщества. Социальный уровень восприятия места жителями, вербализуемый через концепт «север», отражает негативный и сложный опыт «выживания», а также критику в адрес политического популизма.

Дискуссия

Привязанность к месту формируется в результате процесса взаимодействия с территорией и развивается в разной степени по отношению к местам с разными пространственными диапазонами. В этой работе посредством анализа данных цифрового следа нам удалось выявить, что заранее заданный нами диапазон пространства в границах города не устойчив в восприятии жителей. Север — это вернакулярный район, в котором преобладают два измерения: физическое (природно-климатические аспекты) и социальное (социально-экономические и политические аспекты). На сегодняшний день в научной литературе имеется большое количество исследований, подчеркивающих важность социального измерения в развитии привязанности, где привязанность к месту стала отождествляться с привязанностью к людям, которые живут в этом месте (Stedman 2003). Наше исследование подтверждает важность социального измерения. Однако мы заметили, что помимо социальной привязанности люди чувствуют привязанность к физическому измерению мест (Tuan 1977; Altman, Low 1992; Brown 2005; Williams, Patterson 1996). Без сомнения, эти два компонента привязанности к месту обычно объединяются и образуют общее аффективное чувство по отношению к месту жительства, как в его физическом, так и в социальном измерении.

Предложенная операционализация понятия привязанности к месту в контексте убывающего города оказалась эффективным инструментом, позволившим нам выявить ряд аналитических находок, например, что положительная эмоциональная связь (Shamai 1991) не всегда связана с чувством восторга и гордости за территорию. Диапазон чувств в контексте убывающего города может быть шире и связан с чувствами утраты, тревоги и горестного переживания, что не делает привязанность более слабой. Важным выводом анализа нарративов стала выявленная темпоральность, зафиксировавшая устойчивый образ славного прошлого и бесперспективного настоящего и будущего.

В рамках дискуссии мы обращаем внимание на перспективность исследования данных цифрового следа, так как добровольно сообщаемые

в онлайн-пространстве комментарии соответствуют принципам смыслового конструирования нарратива: 1) универсальность, нарратив всегда строится посредством естественного языка или речи; 2) выраженность смысла, нарратив — это рассказ, который создается автором для целевой аудитории, с использованием высказываний, которые общепонятны; 3) контекстная обусловленность, любое утверждение в составе нарратива обретает смысл только в определенных условиях — социальных, методологических, бытовых и бесконечно многих других (Каныгин 2022). В случае анализа нарративов, используемых в настоящем исследовании, контекст задан тематически: речь идет о конкретных обсуждениях проблем города и региона, в рамках которых выявлялись аспекты привязанности к месту. Информанты не связаны заранее заданным сюжетом исследования, который мог бы вынудить их конструировать заведомо положительные ответы на вопросы о сенситивной тематике. Контекст убывания осмысливается жителями психологически остро. В комментариях к постам, в которых приводится статистика естественных и миграционных потерь, участники сообщества склонны проявлять нарочитый патриотизм по отношению к месту или агрессию в сторону тех, кто пишет о проблемах. Прямые вопросы в этом случае могут провоцировать нарочитость положительных ответов, что является ограничением опросных методов. Безусловно ограничения есть и при использовании цифрового следа, например невозможность соблюсти репрезентативность.

Дальнейшие исследования с использованием различных выборок и других городов (регионов) Севера помогут проверить согласованность этих результатов. Обнаружение наиболее значимых компонентов и пространственных диапазонов привязанности к месту может способствовать более глубокому пониманию данного феномена.

Заключение

Общественные обсуждения жителей, которые в современном информационном поле происходят все чаще в онлайн-сообществах, по поводу мест жительства представляют богатый эмпирический материал для анализа таких сложных и многомерных феноменов, как привязанность к месту. Проведенный анализ нарративов, в рамках которого было произведено детальное кодирование данных и конструирование объясняющих интерпретаций сложных феноменов на их основе, позволяет выявить аспекты привязанности к месту, отсутствующие или недостаточно изученные в литературе, обусловленные контекстом существования мест.

Центральным концептом привязанности к месту, выделенным эмпирически в ходе статистического контент-анализа и качественного нарра-

тивного анализа, является «север». Рассмотрение концепта и связанных с ним слов демонстрирует, что жители Мурманска и Мурманской области описывают свое место жительства шире административных границ города, как северный регион со свойственными ему природно-климатическими, социально-экономическими и политическими характеристиками. Данные характеристики проанализированы нами как аспекты привязанности к месту в контексте убывающего города, в котором региональная идентичность становится значимее и проявленнее в дискурсе жителей, чем городская. Природно-климатический аспект связан с описанием взаимодействия жителей с природным богатством окружающей среды, в том числе в контексте практик собирательства, эстетического созерцания природы, а также в контексте влияния природных явлений на самочувствие человека. Социально-экономический аспект связан с осмыслением советского прошлого города как интенсивно развивающегося города-порта международного значения и текущего состояния города как убывающего и потерявшего свою экономическую и инфраструктурную роль. Кроме того, социально-экономический аспект описывает существовавший ранее «общественный договор», регулировавший место проживания — получение северных пенсий и полярных надбавок за переезд или работу в сложных климатических условиях. Такой договор осмысливается как исключительная символическая характеристика значимости места, которая была утрачена, вследствие чего идентичность места была нарушена. Единственным противовесом этого нарушения является символическая черта, которая признается как константа значимости места и которая может позволить сохранить положительную идентичность Мурманска и Севера — высокое качество человеческого капитала. В комментариях проживающие в городе и уехавшие из него члены онлайн-сообщества подчеркивают доброту, терпимость, отзывчивость, силу и закатность северян. Политический аспект концепта «север» выстраивается вокруг иронического и критического словесного обыгрывания пользователями лозунга «На Севере жить!», декларируемого сегодня администрацией города в программе городского развития. Пользователи критикуют популистское приписывание месту проживания неких «идеальных» черт, которого у него нет или которых недостаточно с точки зрения жителей, и игнорирование нарушенного общественного договора «тяжелые условия — большие зарплаты». Важно отметить, что прагматические аспекты привязанности к месту в разных поколениях по-разному конвертируются в положительные связи с местом. В старших возрастных группах, имевших опыт трудовой деятельности на предприятиях советского Мурманска, принадлежность к общему делу и социально-профессиональная солидарность

выступают тем капиталом, который без проблем конвертируется в положительную привязанность к месту. В этом смысле город — это место памяти о лучших годах прожитой жизни. Для молодежи город — это место уникальной природно-климатической зоны, для которой характерны свои плюсы в виде тех досуговых практик, которые возможны именно в этом климате, и это выступает символическим капиталом, который конвертируется в положительную привязанность к месту.

Понятие «привязанность к месту» операционализировано в статье через четыре составляющие — эмоциональная связь с местом, значимость места, зависимость от места и идентичность места. Анализируя аспекты привязанности к месту, вербализуемые членами онлайн-сообщества, мы опираемся на данные составляющие. Эмоциональная связь с местом, проявляемая в дискурсе о Севере, имеет как положительную и нейтральную, так и негативную тональность. Положительная и нейтральная тональность проявляются в осмыслении значимости места, зависимости от места и идентичности места в контексте его природного богатства (грибы, ягоды, рыба) и уникальных природных явлений, таких как северное сияние и полярный день (природный аспект концепта «север»). Также положительная тональность проявляется в осмыслении человеческого капитала Севера (и Мурманска), описании северян как главной символической черты значимости места и ядра идентичности места (социально-экономический аспект концепта «север»). Негативная тональность проявляется в осмыслении нарушаемой идентичности места и символических черт, составляющих значимость места и находящихся под угрозой, связанной с неконтролируемым развитием природного северного туризма (природный аспект концепта «север»). Также негативная эмоциональная тональность проявляется в иронической критике декларируемой политики развития территориального бренда Мурманска и Севера в сопоставлении с реалиями непростой жизни убывающего города (политический аспект концепта «север»). Негативная тональность сообщений во многом сопряжена с чувствами утраты былого прошлого, связанного с советским периодом жизни города, на который по мнению жителей приходился его расцвет. Данное положение приводит в действие механизмы романтизации прошлого, а критическое восприятие настоящего определяет вектор отношения к бесперспективному будущему не только для себя, но и для своих детей, что имеет отражение в беспокойстве горожан за судьбы будущих поколений в «месте без перспектив», что нарушает связь с зависимостью от места. Таким образом, эмоциональная связь с местом является вспомогательной составляющей для описания значимости места, зависимости от места и идентичности места. Кроме того, стоит отметить тонкую

грань между понятиями «значимость места» и «идентичность места» в контексте рассматриваемых эмпирических данных общественных обсуждений Мурманска. Тем не менее выделение данных, составляющих понятие «привязанность к месту», можно использовать для разграничения представлений об общем фоновом образе места (идентичность места как социальный стереотип) и о символических чертах, которые делают место значимым для конкретных людей в конкретных жизненных ситуациях.

Литература

Антонов Е.В., Денисов Е.А., Ефремова В.А., Фаддеев А.М. (2014) Современные проблемы развития убывающих городов на северо-востоке Республики Коми. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 2: 55–61.

Бергер П., Лукман Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум.

Бурцева А.В., Шарова Е.Н., Оман С. (2020) Жизнестойкость городов Кольского севера в пространственном, временном и антропологическом измерениях. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 3(50):191–200. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-17>.

Евсеев Е.О. (2014) Модальность городской идентичности. *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, 5 [<https://journal.permisc.ru/index.php/pscj/article/view/PSCJ2014n5p11>] (дата обращения: 11.04.2024).

Каныгин Г.В. (2022) Проблемы смысловой реконструкции социологического нарратива. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 15(3): 224–237. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.303>.

Корандей Ф.С. (2023) Деревенские пустыри: места сопричастности и картография «призраков» ландшафта сельской депопуляции. *Крестьяноведение*, 8(1): 23–44.

Недосека Е.В., Ненько А.Е., Лисенков О.Н. (2022) Репрезентация воспринимаемой безопасности городской среды в соседских онлайн-сообществах Санкт-Петербурга. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5: 133–152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2228>.

Недосека Е.В., Шарова Е.Н. (2020) Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3: 305–325. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>.

Ненько А.Е., Недосека Е.В. (2022) Ценности городской среды в дискурсе соседских онлайн-сообществ. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(1): 217–251. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.8>.

Разумова И.А. (2008) «Свобода» как один из ключевых определителей Севера. *Живущие на Севере: опыт и прогнозы*: сб. ст. Мурманск: Мурманский гос. пед. ун-т.

Разумова И.А. (2009) *Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. Социально-антропологические очерки*. СПб.: ГАМАС.

Хайдеггер М. (2003) *Бытие и время*. Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио.

Altman I., Low S.M. (eds.) (1992) *Place attachment*. N.Y.: Plenum.

Bonaiuto M., Fornara F., Bonnes M. (2003) Indexes of perceived residential environment quality and neighborhood attachment in urban environments: a confirmation study on the city of Rome. *Landscape and Urban Planning*, 65 (1–2): 41–52. [https://doi.org/10.1016/S0169-2046\(02\)00236-0](https://doi.org/10.1016/S0169-2046(02)00236-0).

Brown G. (2005) Mapping spatial attributes in survey research for natural resource management: Methods and applications. *Society and Natural Resources*, 18(1): 17–39. <https://doi.org/10.1080/08941920590881853>.

Budruk M., Thomas H., Tyrrell T. (2009) Urban green spaces: A study of place attachment and environmental attitudes in India. *Society and Natural Resources*, 22(9): 824–839. <https://doi.org/10.1080/08941920802628515>.

Casey E.S. (1997) *The fate of place. A philosophical history*. Berkeley: University of California Press.

Cheung L.T., Hui D.L. (2018) Influence of residents' place attachment on heritage forest conservation awareness in a peri-urban area of Guangzhou, China. *Urban forestry & urban greening*, 33: 37–45. <https://doi.org/10.1016/j.ufug.2018.05.004>.

Chiesura A. (2004) The role of urban parks for the sustainable city. *Landscape and urban planning*, 68(1): 129–138. <https://doi.org/10.1080/08941920590881853>.

Devine-Wright P., Lyons E. (1997) Remembering pasts and representing places: The construction of national identities in Ireland. *Journal of Environmental Psychology*, 17: 33–45. <https://doi.org/10.1006/jev.1996.0037>.

Giuliani M.V., Feldman R. (1993) Place attachment in a developmental and cultural context. *Journal of Environmental Psychology*, 13(3): 267–274.

Gustafson P. (2006) *Place attachment and mobility*. In: McIntyre N., McHugh K.E. (eds.) *Multiple dwelling and tourism: Negotiating place, home and identity*. CAB International: 17e31.

Hay R. (1998) Sense of place in developmental context. *Journal of Environmental Psychology*, 18: 5–29. <https://doi.org/10.1006/jev.1997.0060>.

Hill L. (2013) Archaeologies and geographies of the post-industrial past: Landscape, memory and the spectral. *Cultural Geographies*, 20(3): 379–396. <https://doi.org/10.1177/1474474013480121>.

Holloway J., Kneale J. (2008) Locating haunting: A ghost-hunter's guide. *Cultural Geographies*, 15(3): 297–312. <https://doi.org/10.1177/1474474008091329>.

Hummon D.M. (1992) Community attachment: Local sentiment and sense of place. In: Altman I., Low S.M. (eds.) *Place attachment*. N.Y.; L.: Plenum Press: 253–278.

Insch A., Florek M. (2008) A great place to live, work and play: Conceptualising place satisfaction in the case of a city's residents. *Journal of place management and development*, 1(2): 138–149.

Kaltenborn B.P. (1998) Effects of sense of place on responses to environmental impacts: A study among residents in Svalbard in the Norwegian high Arctic. *Applied Geography*, 18(2): 169–189. [https://doi.org/10.1016/S0143-6228\(98\)00002-2](https://doi.org/10.1016/S0143-6228(98)00002-2).

Kyle G.T., Mowen A.J., Tarrant M. (2004) Linking place preferences with place meaning: An examination of the relationship between place motivation and place attachment. *Journal of environmental psychology*, 24(4): 439–454. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2004.11.001>.

Lewicka M. (2011) Place attachment: How far have we come in the last 40 years? *Journal of environmental psychology*, 31(3): 207–230. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.10.001>.

Lewins A., Silver C. (2007) *Using Qualitative Software: A Step-by-Step Guide*. L.: Sage, 2007.

Low S.M. (1992) Symbolic ties that bind. Place attachment in the plaza. In: Altman I., Low S.M. (eds.) *Place attachment*. N.Y.; L.: Plenum Press: 165–185.

Norberg-Schultz C. (1979) *Genius loci. Towards a phenomenology of architecture*. N.Y.: Rizzoli.

Olsen A. (2013) Shrinking Cities: Fuzzy Concept or Useful Framework. *Berkeley Planning Journal*, 26(1): 107–132. <https://doi.org/10.5070/BP326115821>.

Pallagst K., Wiechmann T., Martinez-Fernandez C. (eds.) (2013) *Shrinking cities: International perspectives and policy implications*. L.; N.Y.: Routledge.

Proshansky H.H., Fabian A.K., Kaminoff R. (2014) Place-identity: Physical world socialization of the self. In: *The people, place, and space reader*. L.; N.Y.: Routledge: 111–115.

Ramkissoon H., Mavondo F.T. (2015) The satisfaction–place attachment relationship: Potential mediators and moderators. *Journal of Business Research*, 68(12): 2593–2602. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.05.002>.

Raymond C.M., Brown G., Weber D. (2010) The measurement of place attachment: Personal, community, and environmental connections. *Journal of environmental psychology*, 30(4): 422–434. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.08.002>.

Rollero C., De Piccoli N. (2010) Does place attachment affect social well-being? *European Review of Applied Psychology*, 60(4): 233–238. <https://doi.org/10.1016/j.erap.2010.05.001>.

Shamai S. (1991) Sense of Place: An Empirical Measurement. *Geoforum*, 22: 347–358. [https://doi.org/10.1016/0016-7185\(91\)90017-K](https://doi.org/10.1016/0016-7185(91)90017-K)

Stedman R.C. (2002) Toward social psychology of place. Predicting behavior from place-based cognitions, attitude, and identity. *Environment and Behavior*, 34: 561–581. <https://doi.org/10.1177/001391650203400500>.

Stedman R.C. (2003) Is it really just a social construction? The contribution of the physical environment to sense of place. *Society & Natural Resources*, 16(8): 671–685. <https://doi.org/10.1080/08941920309189>.

Steele F. (1981) *The sense of place* Boston: CBI Publishing Company, Inc.

Tajfel H., Turner J.C. (1985) The social identity theory of intergroup behavior. In: Worchel S., Austin W.G. (eds.) *Psychology of intergroup relations*. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall: 7–24.

Tuan Y.-F. (1977) *Space and place: The perspective of experience*. Minnesota: The University of Minnesota Press.

Twigger-Ross C.L., Uzzell D. (1996) Place and identity processes. *Journal of Environmental Psychology*, 16: 205–220. <https://doi.org/10.1006/jevp.1996.0017>.

Ujang N., Zakariya K. (2015) The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration. *Procedia-social and behavioral sciences*, 170: 709–717. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.073>.

Upton D. (1997) *Seen, unseen, and scene*. In: Growth P., Bressi T.W. (eds.) *Understanding Ordinary Landscapes*. New Haven; L.: Yale University Press.

van Riper C., Winkler-Schor S., Foelske L., Keller R., Braitto M., Raymond C., ... & Johnson D. (2019) Integrating multi-level values and pro-environmental behavior in a US protected area. *Sustainability Science*, 14: 395–1408.

Williams D.R., Patterson M.E. (1996) Environment meaning and ecosystem management: Perspectives from environmental psychology and human geography. *Society and Natural Resources*, 9(5): 507–521. <https://doi.org/10.1080/08941929609380990>.

Williams D.R., Stewart S.I. (1998) Sense of place: An elusive concept that is finding a home in ecosystem management. *Journal of forestry*, 96(5):18–23. <https://doi.org/10.1093/jof/96.5.18>.

Wu C.T., Gunko M., Stryjakiewicz T., Zhou K. (2022) *Postsocialist Shrinking Cities*. L.: Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9780367815011>. <https://doi.org/10.4324/9780367815011>.

PLACE ATTACHMENT IN THE CONTEXT OF A SHRINKING CITY: ANALYSIS OF THE DISCOURSE OF RESIDENTS IN AN URBAN ONLINE GROUP

*Elena Nedoseka*¹ (nedelena@socinst.ru),
*Alexandra Nenko*² (al.nenko@gmail.com),
*Svetlana Poroshina*³ (seporoshina@gmail.com)

¹ Sociological Institute of FCTAS RAS, Saint Petersburg, Russia

² independent research, Saint Petersburg, Russia

³ independent research, Saint Petersburg, Russia

Citation: Nedoseka E., Nenko A., Poroshina S. (2024) Privyazannost k mestu v kontekste ubyvayushchego goroda: analiz diskursa zhiteley v gorodskom onlayn-soobshchestve [Place attachment in the context of a shrinking city: analysis of the discourse of residents in an urban online group]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(2): 86–115 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.2.4>. EDN: FAOHRO

Abstract. Despite the already existing scholarship on place attachment, this topic remains in many ways not fully studied in relation to the application of the concept to various types of territories. The focus of this paper is the concept of “place attachment” in the context of a shrinking city. Based on this, in the theoretical framework we use two concepts: shrinking city and place attachment. Both concepts are widely used in the scientific literature, but remain ambiguous and are rarely used together in research. In this study, we propose an operationalization of the concept of place attachment, in which we substantiate its 4 main components: positive emotional connection of people with a place, significance of the place for people in particular life circumstances, dependence on place, and place identity. The scientific novelty of the study also lies in its methodological approach. We analyze place attachment through as verbalized in the public discourse, constructed by the residents of a shrinking city in an online community operating in social media. Data from residents’ discussions provide rich empirical material that allows one to identify components of place attachment and interpret them in relation to the specific environmental context. Grounded theory as an approach based on detailed coding of discursive data and constructed explanatory interpretations of this coding, allows to identify aspects of place attachment in shrinking cities, understudied in literature and conditioned by the particular context in which relationships between the residents and places evolve.

Keywords: place, place attachment, sense place, place identity, shrinking city, urban online groups, qualitative text analysis.

References

- Altman I., Low S.M. (eds.) (1992) *Place attachment*. New York: Plenum.
Antonov E.V., Denisov E.A., Efremova V.A., Faddeev A.M. (2014) *Sovremennyye problemy razvitiya ubyvayushhix gorodov na severo-vostoke Respubliki Komi* (Actual

Problems of Urban Shrinkage Development in The North-West of The Komi Republic). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya* (Bulletin of Moscow University. Series 5, Geography), 2: 55–61 (in Russian).

Berger P., Luckmann T. (1995) *Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* (The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge). Moscow: Medium (in Russian).

Bonaiuto M., Fornara F., Bonnes M. (2003) Indexes of perceived residential environment quality and neighborhood attachment in urban environments: a confirmation study on the city of Rome. *Landscape and Urban Planning*, 65 (1–2): 41–52. [https://doi.org/10.1016/S0169-2046\(02\)00236-0](https://doi.org/10.1016/S0169-2046(02)00236-0).

Brown G. (2005) Mapping spatial attributes in survey research for natural resource management: Methods and applications. *Society and Natural Resources*, 18(1): 17–39. <https://doi.org/10.1080/08941920590881853>.

Budruk M., Thomas H., Tyrrell T. (2009) Urban green spaces: A study of place attachment and environmental attitudes in India. *Society and Natural Resources*, 22(9): 824–839. <https://doi.org/10.1080/08941920802628515>.

Burtseva A.V., Sharova E.N., Oman S. (2020) Zhiznestojkost' gorodov Kol'skogo severa v prostranstvennom, vremennom i antropologicheskom izmereniyakh (Resilience of the Kola North Cities in Spatial, Temporal and Anthropological Dimensions). *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii* (Bulletin of archeology, anthropology and ethnography), 3(50):191–200. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-17> (in Russian).

Casey E.S. (1997) *The fate of place. A philosophical history*. Berkeley: University of California Press.

Cheung L.T., Hui D.L. (2018) Influence of residents' place attachment on heritage forest conservation awareness in a peri-urban area of Guangzhou, China. *Urban forestry & urban greening*, 33: 37–45. <https://doi.org/10.1016/j.ufug.2018.05.004>.

Chiesura A. (2004) The role of urban parks for the sustainable city. *Landscape and urban planning*, 68(1): 129–138. <https://doi.org/10.1080/08941920590881853>.

Devine-Wright P., Lyons E. (1997) Remembering pasts and representing places: The construction of national identities in Ireland. *Journal of Environmental Psychology*, 17: 33–45. <https://doi.org/10.1006/jevp.1996.0037>.

Evseenkova E.O. (2014) Modalnost gorodskoj identichnosti (The Modality of Urban Identity). *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra* (Perm Federal Research Centre Journal), 5 [<https://journal.permsc.ru/index.php/pscj/article/view/PSCJ2014n5p11>] (accessed: 11.04.2024) (in Russian).

Giuliani M.V., Feldman R. (1993) Place attachment in a developmental and cultural context. *Journal of Environmental Psychology*, 13(3): 267–274.

Gustafson P. (2006) *Place attachment and mobility*. In: McIntyre N., McHugh K.E. (eds.) Multiple dwelling and tourism: Negotiating place, home and identity. CAB International: 17e31.

Hay R. (1998) Sense of place in developmental context. *Journal of Environmental Psychology*, 18: 5–29. <https://doi.org/10.1006/jevp.1997.0060>.

Heidegger M. (2003) *Bytie i vremya* (Being and Time). Transl. V.V. Bibikhina. Khar'kov: Folio (in Russian).

Hill L. (2013) Archaeologies and geographies of the post-industrial past: Landscape, memory and the spectral. *Cultural Geographies*, 20(3): 379–396. <https://doi.org/10.1177/1474474013480121>.

Holloway J., Kneale J. (2008) Locating haunting: A ghost-hunter's guide. *Cultural Geographies*, 15(3): 297–312. <https://doi.org/10.1177/1474474008091329>.

Hummon D.M. (1992) Community attachment: Local sentiment and sense of place. In: Altman I., Low S.M. (eds.) *Place attachment*. New York; London: Plenum Press: 253–278.

Insch A., Florek M. (2008) A great place to live, work and play: Conceptualising place satisfaction in the case of a city's residents. *Journal of place management and development*, 1(2): 138–149.

Kaltenborn B.P. (1998) Effects of sense of place on responses to environmental impacts: A study among residents in Svalbard in the Norwegian high Arctic. *Applied Geography*, 18(2): 169–189. [https://doi.org/10.1016/S0143-6228\(98\)00002-2](https://doi.org/10.1016/S0143-6228(98)00002-2).

Kanygin G.V. (2022) Problemy` smy` slovoj rekonstrukcii sociologicheskogo narrativa (Problems of semantic reconstruction of the sociological narrative). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* (Bulletin of Saint Petersburg University. Sociology), 15(3): 224–237. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.303> (in Russian).

Korandey F.S. (2023) Derevenskie pustyni: mesta soprichastnosti i kartografiya «prizrakov» landshafta selskoj depopulyacii (Rural wastelands: Places of belonging and “ghosts” cartography of the rural depopulation landscape). *Krestyanovedenie* (Peasant Studies), 8(1): 23–44. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2023-8-1-23-44> (in Russian).

Kyle G.T., Mowen A.J., Tarrant M. (2004) Linking place preferences with place meaning: An examination of the relationship between place motivation and place attachment. *Journal of environmental psychology*, 24(4): 439–454. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2004.11.001>.

Lewicka M. (2011) Place attachment: How far have we come in the last 40 years? *Journal of environmental psychology*, 31(3): 207–230. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.10.001>.

Lewins A., Silver C. (2007) *Using Qualitative Software: A Step-by-Step Guide*. London: Sage, 2007.

Low S.M. (1992) Symbolic ties that bind. Place attachment in the plaza. In: Altman I., Low S.M. (eds.) *Place attachment*. New York; London: Plenum Press: 165–185.

Nedoseka E.V., Nenko A.E., Lisenkov O.O. (2022) Rerezentaciya vosprinimaemoj bezopasnosti gorodskoj sredy v sosedskix onlajn-soobshhestvax Sankt-Peterburga (Representation of Perceived Safety of the Urban Environment in the Neighborhood Online Communities of Saint Petersburg). *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* (Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes), 5: 133–152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2228> (in Russian).

Nedoseka E.V., Sharova E.N. (2020) Osobennosti zhiznenny`x strategij molodezhi v usloviyax Arktiki (Features of Youth's Life Strategies in the Arctic). *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* (Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes), 3: 355–375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611> (in Russian).

Nenko A., Nedoseka E. (2022) Tsennosti gorodskoy sredy v diskurse sosedskikh onlayn-soobshchestv (Urban environment values in discourse of online neighbouring communities). *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* (The Journal of Sociology and Social Anthropology), 25(1): 217–251. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.8> (in Russian).

Norberg-Schultz C. (1979) *Genius loci. Towards a phenomenology of architecture*. New York: Rizzoli.

Olsen A. (2013) Shrinking Cities: Fuzzy Concept or Useful Framework. *Berkeley Planning Journal*, 26(1): 107–132. <https://doi.org/10.5070/BP326115821>.

Pallagst K., Wiechmann T., Martinez-Fernandez C. (eds.) (2013) *Shrinking cities: International perspectives and policy implications*. London; New York: Routledge.

Proshansky H.H., Fabian A.K., Kaminoff R. (2014) Place-identity: Physical world socialization of the self. In: *The people, place, and space reader*. London; New York: Routledge: 111–115.

Ramkissoon H., Mavondo F.T. (2015) The satisfaction–place attachment relationship: Potential mediators and moderators. *Journal of Business Research*, 68(12): 2593–2602. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.05.002>.

Raymond C.M., Brown G., Weber D. (2010) The measurement of place attachment: Personal, community, and environmental connections. *Journal of environmental psychology*, 30(4): 422–434. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.08.002>.

Razumova I.A. (2008) «Svoboda» kak odin iz klyuchevyx opredelitelej Severa. Zhivushhie na Severe: opyt i prognozy (“Freedom” as One of the Key Determinants of the North). In: *Zhivushchie na Severe: opyt i prognozy: sbornik statey* (Living in the North: Experience and Forecasts: Collection of Articles). Murmansk: Murmansk State Pedagogical University, 5–12 (in Russian).

Razumova I.A. (2009) *Kul’turnyye landshafty Kol’skogo Severa: goroda u «Bol’shoy vody» i Khibin. Sotsial’no-antropologicheskiye ocherki*. (Cultural landscapes of the Kola North: cities near the “Big Water” and Khibiny. Socio-anthropological essays). St. Petersburg: GAMAS (in Russian).

Rollero C., De Piccoli N. (2010) Does place attachment affect social well-being? *European Review of Applied Psychology*, 60(4): 233–238. <https://doi.org/10.1016/j.erap.2010.05.001>.

Shamai S. (1991) Sense of Place: An Empirical Measurement. *Geoforum*, 22: 347–358. [https://doi.org/10.1016/0016-7185\(91\)90017-K](https://doi.org/10.1016/0016-7185(91)90017-K).

Stedman R.C. (2002) Toward social psychology of place. Predicting behavior from place-based cognitions, attitude, and identity. *Environment and Behavior*, 34: 561–581. <https://doi.org/10.1177/001391650203400500>.

Stedman R.C. (2003) Is it really just a social construction? The contribution of the physical environment to sense of place. *Society and Natural Resources*, 16: 671–685. <https://doi.org/10.1080/08941920309189>.

Steele F. (1981) *The sense of place*. Boston: CBI Publishing Company, Inc.

Tajfel H., Turner J.C. (1985) The social identity theory of intergroup behavior. In: Worchel S., Austin W.G. (eds.) *Psychology of intergroup relations*. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall: 7–24.

Tuan Y.-F. (1977) *Space and place: The perspective of experience*. Minnesota: The University of Minnesota Press.

Twigger-Ross C.L., Uzzell D. (1996) Place and identity processes. *Journal of Environmental Psychology*, 16: 205–220. <https://doi.org/10.1006/jev.1996.0017>.

Ujang N., Zakariya K. (2015) The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration. *Procedia-social and behavioral sciences*, 170: 709–717. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.073>.

Upton D. (1997) *Seen, unseen, and scene*. In: Growth P., Bressi T.W. (eds.) *Understanding Ordinary Landscapes*. New Haven; London: Yale University Press.

van Riper C., Winkler-Schor S., Foelske L., Keller R., Braitto M., Raymond C., ... & Johnson D. (2019) Integrating multi-level values and pro-environmental behavior in a US protected area. *Sustainability Science*, 14: 395–1408.

Williams D.R., Patterson M.E. (1996) Environment meaning and ecosystem management: Perspectives from environmental psychology and human geography. *Society and Natural Resources*, 9(5): 507–521. <https://doi.org/10.1080/08941929609380990>.

Williams D.R., Stewart S.I. (1998) Sense of place: An elusive concept that is finding a home in ecosystem management. *Journal of forestry*, 96(5):18–23. <https://doi.org/10.1093/jof/96.5.18>.

Wu C.T., Gunko M., Stryjakiewicz T., Zhou K. (2022) *Postsocialist Shrinking Cities*. London: Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9780367815011>. 1